

В. В. Колесов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: — **E-mail:** prof.kolesov@gmail.com.

Мемуар о Методе

АННОТАЦИЯ. С точки зрения концептологии как части когнитивной лингвистики описывается последовательность логических операций трехсоставного Метода. Тем самым демонстрируется алгоритм научного использования метода. В широком смысле под Методом концептология как часть когнитивной лингвистики понимает трехкомпонентное единство методологии познания, метода исследования и методики описания. Метод исследования концептологии обусловлен выбором предпочтений русской традиции философствования, ее пониманием сущности знака как носителя знания о мире. Метод концептологии историчен, с его помощью исследуется функция конкретного знака в представлении слова: и символ, и представление, и сам знак изменяются во времени и пространстве. Три составные части Метода определяются национальными предпочтениями: англосаксонским позитивизмом с его устремленностью к познанию, русским предпочтением сознания и французским выбором законченного знания. Необходимость обязательного расслоения трехчастного метода во всех предпринимаемых действиях позволяет выстроить строгую цепь логической последовательности операций, представить алгоритм события. Сначала определяется методологический принцип, затем — соответствующий метод (а методов в каждой сфере деятельности множество), наконец, избирается конкретная методика (техника) работы. Подробное рассмотрение данных понятий позволяет разграничить значение восходящих к латинскому корню *concert-* терминов: методологическая концепция (*concertio*), методический концепт (*concertus*) и конечная цель — исследование исходного «зерна первосмысла», концептума (*concertum*). Таким образом, на первом этапе исследования сознание ставит цели в рамках реалистской концепции, на втором этапе в номиналистском познании выявляется предмет, который на третьем этапе в результате последовательного описания исходного материала становится концептуальным знанием объективированной сущности — объекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: методология познания; когнитивная лингвистика; методы исследования; методика описания; семантические треугольники; ментальные парадигмы; семантика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Колесов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; e-mail: prof.kolesov@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Колесов, В. В. Мемуар о Методе / В. В. Колесов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 42—49.

По хорошо известному суждению, метод — это и есть наука. Но метод как прием и способ собирания, анализа и представления фактов совершенно необходим в любой области человеческого знания, мышления и поведения, и особенно в политике, где бессистемное мышление, не подчиненное логике правильных умозаключений, способно привести к непоправимым ошибкам. В настоящей статье на одном фрагменте когнитивной лингвистики я собираюсь показать алгоритм научного применения метода. Использую при этом текст своей книги «Основы концептологии» (СПб. : Златоуст, 2018) как материал для суждений. При необходимости этот алгоритм можно спроецировать на любую область деятельности; выбор в пользу

Метод — это собственно и есть выбор фактов, и прежде всего, следовательно, нужно было озаботиться изобретением метода; и этих методов придумали много, ибо ни один из них не напрашивается сам собой.

Жюль Анри Пуанкаре

когнитивной лингвистики сделан для удобства описания — всё содержится в концептах, выраженных словами.

Предварительные замечания

В широком смысле под Методом концептология как часть когнитивной лингвистики понимает троичность составов частного объема: методологию познания, метод исследования и методику описания — в соответствии со значениями греческого слова *methodos* как 'пути познания', как 'теории, учения' и как 'приема, уловки'. Все три уровня метода представлены в синергичном треугольнике отношений, как показано на рис. 1.

Рис. 1

Концептология своей задачей полагает построение *ментальных парадигм* сознания на основе анализа наличных текстов, содержащих концепты в актуальных контекстах. Как форма научного знания, концептология обладает и собственными методами познания, укорененными в мировоззренческой методологии.

Методологические основы концептологии лежат в области классической философии реализма, отчасти смыкающегося с другими направлениями философствования: с номинализмом и концептуализмом. Здесь можно найти параллели и с немецкой философией в обработке традиционного русского реализма — в методе, и с французской школой постструктурализма — в методике, но в обоих случаях заимствований из них здесь нет, на сравнения наталкивает сам выбор принципа методологии: номинализма в первом случае и концептуализма — во втором.

Метод исследования обусловлен выбором предпочтений русской традиции философствования, ее пониманием сущности знака как носителя знания о мире. Например, синергичные связи понимаются как динамическое Единство и взаимодействия: *всё во всём*. Метод концептологии историчен, с его помощью исследуется функция конкретного знака как символа в представлении слова: и символ, и представление, и сам знак изменяются во времени и пространстве.

Три составные части Метода определяют эти национальными предпочтениями — англосаксонским позитивизмом с его устремленностью к *познанию*, русским предпочтением *сознания* и французским выбором законченного *знания*. В этом отношении методология, метод и методика не пересекаются друг с другом до момента их соединения в общем Методе, представленном именно в сознании субъекта и описанном в «Основах концептологии». Интересно, как терминологически разные языки представляют себе различные суммы значений — при общности корня, восходящего к греческому языку. Только в немецком языке присутствуют все три термина: *Methodologie*, *Method*, *Methodik*, в английском и французском *метод* и *методика* передаются общим словом с грамматическими различиями (в английском *методика* в форме множественного числа *methods*, во французском — именем прилагательным *méthodique*). Это определяет об-

щее отношение к уровню Метода: у англичан и французов познание соединено со знанием как конечной целью познания.

Методология

Рассмотрим составы семантического треугольника, схематически соединяющего вещь, ее идею и их воплощение в знаке в устойчивой синергичной связи (рис. 2).

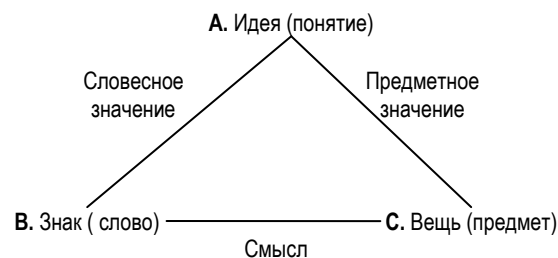

Рис. 2

Здесь последовательность **ABC** отражает позицию реалиста, представляющего равенство идеи и вещи в *сознании*, последовательность **ACB** — позицию номиналиста, уравнивающего идею и знак в *познании*, а последовательность **BAC** — позицию концептуалиста, соединяющего знак и вещь в *знании* их смысла. Троичность всех проявлений не случайна. Это действие взаимных синергичных связей, обеспечивающее гармонию всех частей в их взаимных противопоставлениях. Выбор той или иной программы организует строгую последовательность попарных оппозиций. Например, в совпадении **A—C** ключевую роль играет **B** (реализм), а в совпадении **A—B** в центре оказывается **C** (номинализм). «Третий лишний» становится регулятором действий всех составов семантического треугольника.

В принципе каждая научная программа имеет дело со знаком (словом), но в разном отношении. Для реалиста слово представлено как *цель*, для номиналиста оно же является *предметом*, а для концептуалиста слово есть искомый *объект*, который следует актуализировать на основе предмета.

Первый выбор исследования касается мировоззренческой позиции. Методологические основы концептологии лежат в области классической философии реализма. Реалист исходит из знака (слова), предполагая равенство идеи и вещи, и находится в области *сознания*, поскольку его интересует словесное *значение* — связь слова с идеей («Мы познаем только признаки», — А. Потебня). В отличие от этого, номиналист исходит из реальности вещи и находится в области *познания* связи вещи с идеей, поскольку его интересует только *предметное* значение словесного знака. Концептуалист же исходит из готовой идеи и находится в

области *знания* о связи вещи с ее знаком («слова и вещи»); предметом его интересов является общий *смысл* знака на понятийном уровне.

Из всех возможных вариантов концептология в качестве методологической *концепции* выбирает реализм, поскольку именно слово как словесный знак является *целью* его интересов. На первом этапе исследования ставятся цели. «Сознание — предельное понятие философии как таковой, о чем бы она ни была... Сознание должно объясняться в терминах чего-то другого — его нельзя ухватить» [Мамардашвили 1990: 3, 15]. В этих словах известного философа содержится мысль о том, что только сознанию доступно самое сокровенное в предмете знания, с чего всё начинается в познании; это апелляция к *мистической* интуиции русских философов начала прошлого века и к русской традиции *символического* знания. На этом этапе описания внимание сосредотачивается на словесном значении, которое на логическом уровне соотносится с *содержанием* понятия; их ментальное единство носит название *десигнат*.

Метод

Переходя к предметному полю исследования, концептолог останавливается на *концепте* как содержательной форме слова в языке (а *не* в речи). В таком случае выбор метода подводит к историко-типологическому (философски — к диалектическому) исследованию. Это момент *поиска сущностей в познании*, в центре внимания «максимально мыслимая *вещь*, или сущность», причем «понятие сущности относится к рефлексивному уровню» [Там же: 12] в *форме чувственной интуиции* русских философов. На первый план выходит *предметное* значение слова, соединенное с логическим объемом понятия, что совместно мы и называем *денотатом*. Поскольку когнитивистика постулирует единство языка и мысли, становится возможным аналитическое раздвоение десигната и денотата в целях удобства описания.

Концепт как смысловая форма слова всегда состоит из четырех частей, т. е. наполнен четырьмя содержательными формами своего состава в соответствии с четырьмя членами каузального ряда «причинности», установленными еще Аристотелем: *основание, условие, причина и цель*. Это синергичное множество является ментальной парадигмой сознания и проявляется соответственно как «первосмысл» концептума (это *основание* всего), *образ, понятие и символ*. Покажем это на концептуальном

квадрате в соотношении ментального денотата *D* и реального референта *R* (и их отсутствия: $-D, -R$; см. рис. 3).

	<i>R</i>	$-R$
<i>D</i>	причина понятия	условие образа
$-D$	цель символа	основание концептума

Рис. 3

Из схемы видно, что причина и цель реальны в *R*, условие и основание идеальны — *R*, т. е. представлены субъективно. Этому соответствуют и их содержательные формы: понятие и символ реальны, а образ и концептум идеальны, т. е. находятся в области сознания. Точно так же они опредмечиваются в денотатах: причина понятия и условие образа предметны в *D*, тогда как цель символа и основание концептума — нет (символ опредмечивается в *другом*, в образе, а концептум есть помысленная сущность).

В попарных оппозициях *противопоставление* по горизонтали указывает на несводимость содержательных форм: образ и понятие, символ и концептум противопоставлены по функциям. В вертикальном *подчинении* образ предстает как первое проявление концептума, а понятие — как снятый символ (восходит к образному понятию). По диагонали представлены *противоположности* как проявления сущностей: образ манифестирует символ, а понятие есть актуализированный концептум. Таково системное соотношение в синергичной связи составов ментальной парадигмы. Это всеобщий закон соответствия всех содержательных форм концепта в «зрелом слове» (по П. А. Флоренскому).

Предметом языкознания вообще является знак (слово), и в его познании на первое место выходит номинализм, пристально изучающий взаимоотношение знака и идеи (слова и понятия). Традиционно это историко-типологический метод. Историческое описание дает вертикальную перспективу изменения, типологическое — горизонтальную перспективу сопоставлений с другими языковыми системами. Например, историческая последовательность накопления содержательных форм у концепта Дом ('кров', 'семья', 'хозяйство', 'здание') смещалась в сторону понятийного 'здание'. Актуализацией понятийного значения на основе образного и символического закончилось формирование концептуального поля русского сознания, концепт проявился в полном виде *зрелого слова*. Понятийное значение есть реализация исходного первосмысла (концептума как *зерна*) в его актуальной форме: *здание как кров*.

Сопоставление с другими языками показывает, что состав концептов в них пред-

ставлен в другом измерении; например, англ. *house* 'здание' и *home* 'кров' разграничивают денотаты, так же как *land* — *earth* 'земля', *side* — *edge* 'грань' и т. д. Это обеспечивает англосаксонскому континууму строгое различие идей в знаках языка, склоняя носителей языка к номинализму.

Тем самым *метод* исследования у концептологии также номиналистичен: исходя от знака (слова) на первом этапе, при постановке цели, на втором мы вплотную подошли к необходимости одновременного толкования его идеи (история) и вещи (типология). Тем самым в центре внимания теперь находится процесс *познания*, который расширяет рамки исходного действия сознания. Это *метод* в узком значении термина. Метод обеспечивает целостное понимание *концепта* во времени и пространстве, не ограничиваясь одним только понятийным («главным») значением выражающего концепт слова.

Методика

До сих пор мы находились в поле теории (реализм) и прагматики (номинализм), теперь рассмотрим положение с практической точки зрения.

Задача состоит в том, чтобы из определенной совокупности однородных текстов извлечь информацию об их глубинном ментальном содержании в плане прояснения пределов знания о концепте у данной группы авторов. Поскольку объектом языкознания является все тот же словесный знак, то в его знании, в эквивалентности знака (слова) как означающего и референта как означаемого на первый план выходит третья научная программа, а именно концептуализм. Однако в отличие от *данного* предмета описания объект надлежит еще выявить, объективируя скрытые потенции предмета. Третий этап исследования как конкретная методика ассоциируется с концептуализмом, потому что здесь описывается момент *построения понятия* на основе ранее выявленных десигнатов (реализм) и денотатов (номинализм). Это проявление *интеллектуальной интуиции*, по суждению русских философов Серебряного века. Есть одно философское направление, которое в анализе разграничивает рассмотрение денотатов и десигнатов — французский постмодернизм. Таким образом, свое значение имеет методика анализа текстов, предложенная французскими постструктуралистами.

Французское понимание метода как методики выражено в эпиграфе. То же самое представлено в философии современного французского деконструктивизма (постструк-

турализма) — у Дерриды или Мишеля Фуко. В своей книге «Основы концептологии» я отдал дань этому направлению мысли, предлагая методику описания фактов. В моем изложении также не было заимствований, они демонстрируют простой параллелизм в близости точек зрения на предмет описания.

Концепт как смысловое содержание слова раскладывается на свои составы, являя все свои содержательные формы — образ, понятие, символ, реальные проявления которых и позволяют воссоздать их первоисточник — *концептум*. Дискурс в границах зафиксированного текста направлен на поиски сущности, которую в ментальном плане я и понимаю как концептум. По верному суждению М. К. Мамардашвили, «максимально мыслимая вещь, или сущность и понятие сущности относится к рефлексивному уровню». Это и есть та форма представления знания, которая своей актуализацией обязана построению понятия.

Методика текстуального анализа представлена у французских концептуалистов. По их мнению, любой текст отличается от самого себя в зависимости от его прочтения: один и тот же текст предстает во многих своих проявлениях. ТЕКСТ — это неопределенное поле в постоянных изменениях. Каждый текст дан (читается) как «методологическая гипотеза», конечная цель таких гипотез — «выявить тот „довербализованный“ уровень существования человека, где безраздельно господствует царство бессознательного, и вскрыть его механику» [Ильин 1996: 132—133].

Поиски *эпистемы* как минимальной единицы знания — глобальный принцип организации всех правил, всеобщий принцип единения текста. Исследователь «конструирует становление (новой) реальности» [Там же: 111], потому что язык говорит «на поверхности и схватывает то, что на поверхности» (Ж. Делёз). В таком случае необходимо создавать «интертекст» — «порядок из хаоса» случайных и поверхностных проявлений текста «как доминантную структуру языкового характера» [Там же: 59]. Именно в таком конструировании интертекста и проявляется способ воссоздания первосмысла в бессознательном — *концептума* (conceptum).

Концептология предоставляет возможность из хаоса случайных текстов конструировать новую реальность, максимально приближающуюся к адекватному толкованию того смысла, который содержался в приведенных высказываниях, но вряд ли осознавался авторами самих текстов.

Ближайшим образом принцип конструирования текста представлен в виде *семан-*

тической константы («смысловой постоянной»); она представляет собою синергичное единство «четырех причин» Аристотеля: ментального *основания* и конструктивных собственно причин — *условия, причины и цели*, которые укладываются в формулу семантической константы (рис. 4).

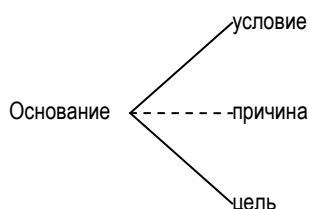

Рис. 4

Последовательность переходов каузального ряда обогащает содержательную часть высказывания, вместе с тем уточняя сказанное на предыдущем уровне.

Покажу это на конкретном примере концепта «Дом», который в своем составе содержит следующие содержательные формы: основание 'кров', условие 'семья', причина 'здание', цель 'хозяйство'. Одновременно это и актуализованные проявления концептума, образа, понятия и символа (рис. 5).

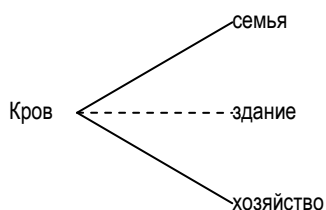

Рис. 5

Схему на рис. 5 можно развернуть в следующий текст: «Дом есть *кров семьи и здание для ведения хозяйства*».

Здесь представлены все конститутивные признаки «дома» во всем их объеме. Условием его существования является наличие семьи («населения дома»), а целью — хозяйство, которое она ведет. Здание предстает как опредмеченное основание — кров. Все содержательные формы концепта представлены как самостоятельные концепты следующего уровня, который, в свою очередь, можно раскрыть в анализе. При отсутствии любого состава понимание концепта Дом невозможно или носит неполный характер. При этом само основание — *кров* — исчезает за каузальным рядом причин, как и следует в ментальном пространстве сознания. Это заместитель концептума, который может быть представлен в виде этимона: *dom — *dem, описывающего «прежде всего не постройку из стен и крыши, а общественную организацию, семью» [ЭССЯ, т. 5: 3].

Следовательно, исходным первообразом концепта, воплотившим его первосмысл, являются условие наличия «дома» и представление о семье как части общего крова.

Образное понятие

Необходимо остановиться на специальном значении концептума: его роль в понимании смысла высказывания является определяющей. Возвращаясь к примеру с концептом «Дом», отметим широкую вариативность сочетаний имен прилагательных («расплавленных имен» по О. Есперсену) с существительными, составляющими *оперативные понятия* сознания, созданные для определенных случаев в известных контекстах. Это аналитическое понятие, содержанием представленное в прилагательном, а объемом — в существительном. Сопоставления доказывают определенную связь сочетаний двух имен с содержательными потенциями слова как носителя *концептума*.

Постоянные эпитеты создают новые понятия путем выделения актуального признака концепта «Дом»: *белый дом — большой дом — желтый дом — жилой дом — казенный дом — отчий дом — публичный дом — родной дом — торговый дом — хитрый дом* — всё это однозначные понятия образного характера, представленные как *термины* путем совмещения образа в определительном слове и символа в имени (существительном); украшающие авторские эпитеты из описания исключаются. Образное понятие и само по себе символично, представляет собою *символ перехода* от образа к понятию — это обязательный момент в формировании понятий литературного языка.

В столкновении существительного и прилагательного символ имени также обрачивается определенным признаком *концептума* — в метонимическом следовании, например, для единицы <дом>: 'кров' > 'населяющие его' > 'хозяйство' > 'здание' и т. д.; в данном перечне к типичному значению относятся представленные здесь оттенки *жилой, отчий, родной*, к образному — *казенный, публичный, хитрый*, к понятийному — только *торговый*, к символическому — *белый, большой, желтый*; исторически они и появились в указанной последовательности. Во всех случаях незримое присутствие концептума 'кров' в слове *дом* неизбежно направляет семантическое развитие слова в конечную точку символа — с промежуточными моментами образного или понятийного значения: *белый дом* как резиденция правительства не обязательно белый, *большой дом* как «кров» тайной полиции не обязательно велик, *желтый дом* как «кров» для

умалишенных вообще обычно имеет неприглядный вид.

Таким образом, дошедший до «зерна первосмысла» анализ источников сменяется синтезом актуального на данный момент состава, первоначально представленного аналитически. Только впоследствии этот состав может предстать в виде отдельного слова-термина нового смысла. Это можно показать на истории сочетаний со словом *рука*: в публицистике 1990-х гг. сочетания *косматая рука*, *мохнатая рука*, *волосатая рука* передавали отрицательную эмоцию неприятия блата, взяточничества, рейдерства и прочих неприглядных действий «нового класса» собственников. В конце этого периода образовался термин символического характера *волосатость* (*у него такая волосатость!* — о незаконных «связях» и сделках), который включил в свой состав все образные оттенки предыдущего периода. Ничего этого не было бы, если бы в основе слова *рука* в виде его концептума не сохранился сокровенный смысл — ‘кривой, косо́й’ или ‘хватать, собирать’.

Именно концептумы являются теми строительными камешками, которые крепят национальную культуру во времени, сохраняя ее в пространстве.

Заключение

Теперь мы в состоянии представить все три проявления латинского корня *concept-*. Это методологическая *концепция* (*conceptio*), методический *концепт* (*conceptus*) и конечная цель — исследование исходного («зерна первосмысла») — *концептума* (*conceptum*).

Совмещение всех трех научных программ расширяет горизонты исследования, выстраивая иерархию «методов». Практика показывает, что у каждой программы наряду с коренным методологическим основанием присутствуют чисто прагматические установки, которыми в практическом исследовании невозможно пренебречь. Именно так и поступают все исследователи. Например, академик Ю. С. Степанов, являясь сторонником неореализма, как русский исследователь, как языковед склоняется к номинализму, а как романист по базовому образованию не избегает влияния концептуализма. В лингвистическом смысле выделение трех научных программ обеспечивается тем обстоятельством, что каждая форма когнитивной лингвистики тяготеет к определенной программе, а именно: контентивная (содержательная — *познание*) — к номинализму с выходом на метод, собственно когнитивная (познавательная — *знание*) — к концептуа-

лизму с предпочтением конкретных методик, а концептология (конструктивная — *сознание*) — к реализму с утверждением методологических оснований. Неизбежность синтеза приводит к работам Аристотеля, который в методическом отношении представляет исходный научный синтез всех возможных приемов научного анализа.

Таким образом, на первом этапе исследования *сознание* ставит *цели* в рамках реалистской концепции, на втором этапе в номиналистском *познании* выявляется *предмет*, который на третьем этапе в результате последовательного описания исходного материала становится концептуальным *знанием* объективированной сущности — *объекта*. Во всех случаях центром внимания является словесный знак — *слово*, и, разворачиваясь той или иной своей гранью, каждый раз требует особого метода для своего осмысления. Сужение принципов исследования до узкопрофессиональной (лингвистической) границы превращает концепции в относительные ценности, однако их влияние весьма значительно, поскольку они определяют исходную позицию исследователя. В нашем случае, при выборе реализма, мы остаемся в том же круге явлений общего порядка; важны центральное положение слова, единство идеи и вещи («идея и есть вещь» — А. Ф. Лосев) и бессознательное, которое в виде подсознания в конце концов возвращается в методике.

Необходимость обязательного расслоения трехчастного метода во всех предпринимаемых действиях позволяет выстроить строгую цепь логической последовательности операций, представить *алгоритм событий*. Так действует организованное немецкое мышление, этому учат на уроках логики. Сначала определяется методологический принцип, затем — соответствующий метод (а методов в каждой сфере деятельности множество), наконец, избирается конкретная методика (техника) работы. Методология определяет все следующие уровни действия Метода; например, предпочтение номинализма сокращает исследование, поскольку методология и метод здесь совпадают в одном устремлении к познанию как цели. Это ведет к построению объективистской картины мира, которая, в отличие от русского выбора реализма, лишена субъективного («душевного») элемента в интерпретациях и часто смешивает предмет описания и объект исследования. Нравственная окраска всех объективных характеристик у русского ученого — также хорошо известная особенность русской гуманитарной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. — М. : Academia, 2002.
2. Аристотель. Соч. : в 4 т. — М. : Мысль, 1975—1983. (Сер. «Философское наследие»).
3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. — Новосибирск, 1998.
4. Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. — М., 2003.
5. Дмитриева Н. М. Языковые особенности этнических категорий русского менталитета // Вестн. ОГУ. 2011. № 11. С. 57—61.
6. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М. : Интрада, 1996.
7. Карасик В. И. Языковые ключи. — Волгоград, 2007.
8. Колесов В. В. Концептология. — СПб., 2012.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
10. Мамардашвили М. К. Заметки о сознании / Вопросы философии. 1990. № 5.
11. Потебня А. А. Собрание трудов. Мысль и язык. — М., 1999.
12. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. — М. : Наука, 1988. 242 с.
13. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — СПб., 2014.
14. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. — М., 2000. С. 24—32.
15. Флоренский П. А. Соч. : в 2 т. — М. : Правда, 1990.
16. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 5. — М., 1978.

V. V. Kolesov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: prof.kolesov@gmail.com.

A Reflection on the Method

ABSTRACT. *The article describes a sequence of logical operations of a tripartite Method from the positions of conceptology as a part of cognitive linguistics. This demonstrates the algorithm of scientific application of the Method. In a broad sense, conceptology, as a part of cognitive linguistics, interprets the Method as a tripartite unity of the methodology of cognition, the method of research and the method of description. The conceptological method of research has a historical character; it is used to explore the function of a concrete sign as a symbol in word representation: the symbol, as well as the representation and the sign itself change in time and space. The three constituents of the Method are determined by the national preferences: the Anglo-Saxon positivism with its focus on cognition, the Russian preference of consciousness, and the French preoccupation with holistic knowledge. The necessity of obligatory separation of the tripartite method in all the actions performed makes it possible to build up a rigorous pattern of the logical sequence of operations and to present an algorithm of event. First, we define a methodological principle, then – the corresponding method (and there is a multitude of methods in each sphere of activity), and, finally, we choose a concrete procedure (technology) of activity. A detailed analysis of the given notions allows distinguishing the meaning of the terms originating from the Latin stem concept-: methodological conception (conceptio), methodological concept (conceptus), and the ultimate goal – exploration of the original “grain of primary meaning” (conceptum). Thus, at the first stage of investigation, our consciousness sets the aims within the realistic conception; at the second stage, there emerges an object in nominalistic cognition, which at the third stage becomes conceptual knowledge of objectified reality – an object – as a result of consecutive description of the original material.*

KEYWORDS: *methodology of cognition; cognitive linguistics; research methods; methods of description; semantic triangle; mental paradigms; semantics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kolesov Vladimir Victorovich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Kolesov, V. V. A Reflection on the Method / V. V. Kolesov // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 42—49.*

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. Poetic Energy of the Word. Synergetics of Language, Consciousness, Culture. — Moscow : Academy, 2002. [Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya, kul'tury. — M. : Academia, 2002]. — (In Rus.)
2. Aristotle. Works. In 4 vol. — Moscow : Thought, 1975—1983. (Ser. “Philosophical Heritage”) [Soch. : v 4 t. — M. : Mysl', 1975—1983. (Ser. «Filosofskoe nasledie»)]. — (In Rus.)
3. Akhiezer A. S. Russia: a Criticism of Historical Experience. Vol. 2. — Novosibirsk, 1998. [Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. 2. — Novosibirsk, 1998]. — (In Rus.)
4. Barantsev R. G. Synergetic in Modern Natural Science. — Moscow, 2003. [Sinergetika v sovremennom estestvoznanii. — M., 2003]. — (In Rus.)
5. Dmitrieva N. M. Language Features of Ethnic Categories of the Russian Mentality // Herald of OSU. 2011. № 11. P. 57—61. [Yazykovye osobennosti etnicheskikh kategoriy russkogo mentaliteta // Vestn. OGU. 2011. № 11. S. 57—61]. — (In Rus.)
6. Il'in I. P. Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism. — M.: Intrada, 1996. [Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm. — M. : Intrada, 1996]. — (In Rus.)
7. Karasik V. I. Language Keys. — Volgograd, 2007. [Yazykovye klyuchi. — Volgograd, 2007]. — (In Rus.)
8. Kolesov V. V. Conceptology. — Saint Petersburg, 2012. [Konceptologiya. — SPb., 2012]. — (In Rus.)
9. Kubryakova E. S. Language and Knowledge. On the Way to Gaining Knowledge about the Language: Parts of Speech From a Cognitive Point of View. The role of Language in the Knowledge of the World. — Moscow : Languages of Slavic culture, 2004. [Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004]. — (In Rus.)
10. Mamardashvili M. K. Notes on Consciousness / Philosophy Questions. 1990. № 5. [Zametki o soznanii / Voprosy filosofii. 1990. № 5]. — (In Rus.)
11. Potebnya A. A. Collected Works. Thought and Language. — Moscow, 1999. [Sobranie trudov. Mysl' i yazyk. — M., 1999]. — (In Rus.)
12. Serebrennikov B. A. The Role of the Human Factor in Language: Language and Thinking. — Moscow : Science, 1988. 242 p. [Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i myshlenie. — M. : Nauka, 1988. 242 s.]. — (In Rus.)

13. Dictionary of Russian Mentality / V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov. — Saint Petersburg, 2014. [Slovar' russkoy mental'nosti / V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov. — SPb., 2014]. — (In Rus.)

14. Tarasov E. F. Actual Problems of the Analysis of Language Consciousness // Language Consciousness and the Image of the World. — Moscow, 2000. P. 24—32. [Aktual'nye problemy

analiza yazykovogo soznaniya // Yazykovoe soznanie i obraz mira. — M., 2000. S. 24—32]. — (In Rus.)

15. Florenskiy P. A. Works. In 2 vol. — Moscow : Truth, 1990. [Soch. : v 2 t. — M. : Pravda, 1990]. — (In Rus.)

16. Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund. Iss. 5. — Moscow, 1978. [Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond. Vyp. 5. — M., 1978]. — (In Rus.)